

Посвящается Сильвии

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Здесь были все — Капоне, Диллинджер, Нельсон, Карпис и Лаки Лучано. Стол, за которым они сидели, был усыпан покерными фишками и игральными картами, заставлен стаканами и бутылками виски. Прямо над столом висела лампа с зеленым абажуром; на лица игроков падал резкий свет, но почти вся комната оставалась в тени.

Чуть позади в ленивых позах расположились несколько мужчин, едва заметных в сумраке и клубах табачного дыма. Невысокие, смуглые, с каменными лицами и глазами словно мокрая галька.

Внезапно все — сидящие за столом и стоящие рядом — напряглись: в комнату вошел Джордж Фрейзер. Он остановился в нескольких футах от стола, сунув руки в карманы пальто и выпятив челюсть. Взгляд его был холодным и грозным.

Никто не пошевелился. Никто не сказал ни слова.

— Если кто вздумает рыпнуться, — произнес Джордж Фрейзер после долгой паузы, — я позабочусь о его вдове.

Капоне положил карты на стол: очень медленно, очень осторожно.

— Здравствуй, Джордж, — хриплым шепотом произнес он.

Джордж Фрейзер смерил его ледяным взглядом. Не многие отважились бы в одиночку войти в эту заднюю комнату и встать лицом к лицу с пятью крупнейшими и опаснейшими бутлегерами, но Джордж Фрейзер не знал, что такое страх.

— Пора нам перемолвиться, — сказал он, отчетливо выговаривая каждое слово. — Вы, парни, засиделись у руля. Отныне все вы — вчерашний день. Я забираю эту территорию и отныне буду вести дела, как посчитаю нужным.

Повисла новая пауза, а потом Диллинджер грубо спросил:

— А ты кто такой?

Глаза его сверкали, а лицо побледнело от гнева. Джордж Фрейзер улыбнулся и равнодушно ответил:

— Кто надо.

Диллинджер издал утробный рык. Рука его метнулась к карману пиджака.

Сидящий рядом Капоне судорожно перехватил запястье Диллинджера. Его заплывшее жирком лицо посинело от страха.

— Тебе что, жить надоело? — пронзительно крикнул он. — Против Фрейзера у тебя нет ни единого шанса!

Негромко ругнувшись, Диллинджер попытался вырваться. Стол заходил ходуном. Бутылка виски упала на пол и разбилась вдребезги.

— Оставь его в покое, Аль, — велел Джордж Фрейзер. — Если хочет по-плохому, так тому и быть.

Капоне с ужасом взглянул на Фрейзера и, увидев бледное, напряженное лицо и глаза словно льдинки, лишился остатков мужества. Он так быстро отодвинулся от Диллинджера, что едва не упал со стула.

— Берегись! — крикнул он. — Сейчас Фрейзер начнет стрелять!

Остальные трое отпрыгнули от стола, опрокинув стулья. Некоторые из стоящих в тени бросились на пол. Один лишь Диллинджер, неподвижно сидя на месте, свирепо смотрел на Джорджа Фрейзера.

— Ладно, Джонни. Доставай пистолет, — насмешливо решил Джордж Фрейзер. — Чего ты ждешь?

Диллинджер медленно встал, отодвинул стул и пригнулся.

— Спорю на сотку баксов, что всажу пять пуль тебе в мотор, прежде чем увижу твою пушку. — Джордж Фрейзер расслабленно свесил руки по бокам.

Диллинджер изрыгнул проклятие. Движение его руки к карману было стремительным, как бросок кобры. В ладони Джорджа Фрейзера, словно по волшебству, оказался тяжелый автоматический пистолет с коротким стволом. В комнате прогремели выстрелы.

Широко раскрыв безжизненные глаза, Диллинджер рухнул на пол и перекатился на спину.

— Глянь на него, Лаки. — Джордж Фрейзер повернулся к людям, вжавшимся в стену.

Чуть помедлив, Лаки Лучано подошел к Диллинджеру, запахнул его пиджак и разорвал рубашку на груди.

— Пять пуль, — произнес он надтреснутым голосом. — Одна в одну.

— Доброе утро, мистер Джордж, — сказала Элла, поставив чашку водянистого чая на бамбуковый столик у кровати. — Я вас разбудила?

— Мм... — замаялся Джордж Фрейзер, в полном недоумении глядя на Эллу, на ее неопрятную синюю униформу и нелепую шапочку, пришпиленную к волосам мышиного цвета. — Господи! Как вы меня напугали! Не слышал, как вы вошли. Должно быть, задремал...

— Сегодня такое прекрасное утро. — Элла прошлась по тусклой комнатке и подняла жалюзи. — Солнечное, и на небе ни облачка.

В невымытое окно хлынули потоки света, и Джордж зажмурился. Из его сознания еще не выветрился образ Фрейзера-пулеметчика, миллионера и бандита, и неожиданное вторжение Эллы сбilo его с толку.

— Давайте я немного приберусь? — предложила Элла, осматривая беспорядок в комнате. На ее невыразительном блестящем личике не было написано ничего, кроме покорности судьбе. — Право, мистер Джордж, что ваши носки делают в ведерке для угля?

Джордж вздохнул. Дело дрянь. Придется на время покинуть заднюю комнату, оставив там запах бездымного пороха и перекошенные лица Капоне, Нельсона, Карписа и Лаки Лучано. А когда Элла уйдет, он сможет вернуться к своим фантазиям.

— Ох, ну ладно. — Выбравшись из-под одеяла, Джордж уселся. — Только постарайтесь не шуметь. У меня с утра голова болит.

— Расскажите о вчерашних приключениях? — с надеждой спросила Элла, прибираясь в комнате.

Джордж хотел было что-нибудь выдумать, но справился с искушением. Тем утром мысль не шла в голову. К тому же позавчера он рассказал Элле, пожалуй, лучшую за все время историю и решил, что снижать накал страстей будет неразумно.

— Пока нет, — сказал он. — Возможно, чуть позже. Но сейчас это секрет.

Элла погрустнела. Это была худенькая задумчивая женщина с резкими чертами лица — типичная уроженка трущоб Ист-Энда. Уже три года она работала служанкой в этом пансионе неподалеку от Эджвер-роуд. По утрам, если только Джордж не страдал от похмелья, Элла зачарованно слушала его жуткие рассказы про бандитов, их подружек и агентов ФБР. Джордж убедил ее, что за время жизни в Штатах он много с кем познакомился. Однажды ему довелось работать на пару с грабителем банков по имени Фрэнк Келли; в другой раз он был телохранителем бутлегера Тони Скарлетти. Имя Джорджа Фрейзера нагоняло страх на всех воротил преступного мира, а приключений он пережил столько, что хватило бы на дюжину книжек.

Однако все яркие подробности рассказов Джорджа были не более чем плоды его исключительного воображения. Он никогда не жил в Америке и уж тем более не видел живого уголовника. Дело в том, что Джордж, будучи заядлым читателем заморских детективных журналов и большим ценителем гангстерского кино, стал выдающимся знатоком американской преступности. Он буквально помешался на персонажах из «Франт-пейдж детектив» и «Тру конфешнз».

Подобно многим мужчинам и женщинам, живущим в собственных тайных мирках, Джордж страдал от острого комплекса неполноценности: был не уверен в себе и твердо знал, что любые его начинания обречены на провал.

Этот комплекс сформировался еще в раннем детстве. Джордж появился на свет по недосмотру. Его родители, артисты мюзик-холла, вели кочевую и весьма эгоистичную жизнь, в которой не было места для ребенка. К Джорджу открыто относились как к досадному недоразумению. Малыша никто не любил, с его интересами считались в последнюю очередь.

При первой возможности Джорджа сбагрили престарелой паре: те неохотно взяли на себя роль приемных родителей в обмен на столь желанную прибавку к скудному доходу. Оба были слишком стары, чтобы заниматься маленьким ребенком, и вскоре Джордж понял, что в очередной раз оказался обузой для взрослых.

К чести его будет сказано, что безрадостное существование не до конца сломило его характер, хотя Джордж сделался чрезвычайно застенчивым и впечатлительным, из-за чего в школе ему приходилось несладко. С возрастом он стал очень сдержанным человеком: друзей не заводил и, соответственно, держал все свои мысли и желания при себе. Неудивительно, что в итоге он превратился в интроверта: то было его лекарство от одиночества. Чтобы взбодрить поникшее эго, Джордж зачитывался книжками о бандитах и любил ставить себя на место главного героя. В школе он воображал себя Бульдогом Драммондом, позже — Джеком Демпси, а теперь, в возрасте двадцати семи лет, — всесильным криминальным боссом. Этот Джордж Фрейзер ворочал миллионным капиталом, терроризировал другие банды, разъезжал по улицам в черном бронированном автомобиле и был кумиром ослепительных блондинок, разряженных в пух и прах.

Какое-то время Фрейзер довольствовался ролью бандита лишь в своем воображении, но вскоре образ сделался настолько ярким, что Джордж уже не мог держать его в себе. Он осторожно примерил личину бандита на публике (а именно перед Эллой) и был счастлив видеть, что мгновенно покорила свою аудиторию.

Раньше Элла считала Джорджа обычным квартирантом, редко встающим раньше одиннадцати и желающим получить чашку чая именно в тот момент, когда Элле нужно застилать кровати. Но когда Джордж мимоходом заметил, что раньше жил в Чикаго, где имел дело с почти всеми известными — и опаснейшими — преступниками, Элла тут же попала на крючок. Она регулярно ходила в местный кинотеатр и была прекрасно осведомлена о жестокости американских головорезов. А теперь рядом с ней был человек, который, судя по его рассказам, встречал этих бандитов во плоти, дрался заодно

с ними и против них. Человек с таким необычным прошлым, что на его фоне любое кино покажется пресным.

Да, его рассказы производили на Эллу глубокое впечатление. Но внешность у Джорджа была далеко не впечатляющая. Он был долговяз, толстоват и неуклюж. Цвет лица у него был землистый, а глаза — большие, голубые и очень печальные. Несмотря на внушительные размеры, скрывать свою застенчивость Джорджу не удавалось. Когда с ним внезапно заговаривали, он менялся в лице, начинал суетиться и смотрел куда угодно, только не на собеседника. Хозяйка пансиона, миссис Роудс, приводила его в ужас. Случись им встретиться, Джордж тут же стремился исчезнуть и при этом нес полную чушь, а миссис Роудс провожала его непонимающим взглядом.

Однако странности поведения не помешали ему очаровать Эллу своими выдумками. Она ни на секунду не допускала, что Джордж говорит ей неправду. Однажды он сообщил, что был вынужден в спешке покинуть Штаты и даже сейчас кое-какие бандиты могут явиться по его душу, если проведуют, где он живет. Услышав это, Элла так распереживалась, что лишилась сна. Джордж предупредил: нельзя, чтобы кто-то узнал о его прошлом. Он, мол, занят важным секретным делом. Каким именно? Даже намекнуть нельзя, иначе Джордж тут же окажется в смертельной опасности.

Все это было абсолютной чепухой. На самом деле последние десять лет Джордж Фрейзер служил банковским клерком. Он был бы рад работать в банке до конца своих дней, но четыре месяца назад фортуна повернулась к нему спиной. Однажды вечером Джордж за несколько минут до закрытия забрел в паб — а в пабы он забредал с завидным постоянством. Там он встретил броско одетого господина; тот, очевидно, сидел у стойки с самого открытия. Броский господин сказал, что желает оказать Джорджу добрую услугу, после чего, понизив голос, сообщил ему кличку лошади, которая выиграет завтрашний двухчасовой гандикап.

Не то чтобы Джордж был игроком или интересовался бегами. Ему польстило, что новый знакомый счел его азартным человеком. Итак, Джордж решил рискнуть небольшой суммой. Та лошадь обошла остальных на целый круг, и недовольный

букмекер выплатил Джорджу двадцать фунтов выигрыша. Фрейзер тут же пришел к выводу, что сумеет сколотить состояние на ипподроме. Вскоре он влез в долги, после чего отчаялся и пришел к ростовщику с просьбой выручить его из затруднительного положения. Проценты по займу он выплатить не смог, руководству банка стало об этом известно, и Джордж вылетел с работы.

Спустя две голодные недели он выяснил, что никто не спешит нанимать уволенных из банка клерков. У Джорджа началась черная полоса. Он бродил по улицам в поисках работы и почти отчаялся, но тут ему подвернулось место в компании «Уорлд-уайд паблишинг». Конечно, *место* — не самое подходящее слово, но к тому времени Джордж был готов ухватиться за что угодно.

И все же он был слегка разочарован, узнав, что ему предстоит ходить из дома в дом и продавать детские книги. Без оклада, только за комиссионные.

Джорджу не верилось, что из него получится продавец, но менеджер заявил, что волноваться не стоит: после обучения Джордж сможет продать даже снег зимой. Его представили Эдгару Робинсону, старшему того участка, где Джорджу предстояло работать. Робинсон оказался эксцентричным напористым мужчиной с неукротимой черной шевелюрой и рябым лицом. Он отвел новоиспеченного продавца в сторонку, решительно его поздравил и заявил, что Джорджу очень повезло работать под его, Робинсона, руководством. Всю информацию, необходимую для продажи «Детской энциклопедии», по словам Робинсона, можно было записать на ногте большого пальца. Каждому продавцу на его участке полагалась персональная тренировка, и никто из учеников Эдгара Робинсона не зарабатывал меньше десяти фунтов в неделю.

Услышав эти слова, Джордж приободрился. Узнав, что его научат получать заказы, он и вовсе воспрянул духом. Его и правда записали в группу интенсивного тренинга, где он провел два дня, после чего отправился смотреть собственными глазами, как Робинсон окучивает клиентов.

Через семь дней Джордж уже собирал заказы самостоятельно, заколачивая три фунта десять шиллингов в неделю.

Вскоре он понял, что разговоры о заработках, превышающих эту сумму, — всего лишь мотивационная чушь. Но Джордж знал, что другую работу ему не найти, и продолжал трудиться на книжном поприще, чтобы не протянуть ноги.

Хождение от одной двери к другой оказалось губительным для его самооценки. Поначалу застенчивость играла с Джорджем злые шутки. Он подолгу стоял на крыльце, набираясь мужества, и люди посматривали на него с подозрением, а одна пожилая дама даже вызвала полицию. Многие двери захлопывались прямо у него перед носом, да и в целом клиенты вели себя довольно грубо. От такого отношения комплекс неполноценности расцвел буйным цветом: время от времени Джордж впадал в черную депрессию и все чаще фантазировал о бандитских похождениях, чтобы подпитать уязвленное самолюбие.

Итак, Элла прибиралась в комнате, а Джордж страдал от похмелья. Прошлый вечер он провел в «Королевских объятиях» и выпил на несколько бокалов больше, чем следовало. Решив, что чай поможет ему прийти в себя, Джордж потянулся за чашкой.

— Видели Лео? — спросил он, чтобы не молчать.

Смахнув с комода последние пылинки, Элла направилась к двери.

— Он где-то здесь, — равнодушно сказала она, огорчившись, что сегодня Джордж не настроен на разговоры. — Глупая тварь! Не пойму, на кой вам сдался этот кот. Я не то чтобы не люблю кошек, но этот ваш Лео выжил из ума от старости. Ишь, Лео! Интересно, кто его так назвал? Из него такой же лев, как из меня балерина. Он ведь даже собственной тени боится. Хотите мое мнение? Прикончить его надо, чтоб не мучился. И ведь ни к кому не идет. Кроме вас, мистер Джордж. Должна сказать, он в вас души не чает — ведь верно?

Лицо Джорджа просветлело.

— Животные меня любят, — просто ответил он. — Бедный старый Лео! Должно быть, в детстве ему приходилось несладко. Если узнать его получше, увидите: он замечательный кот.

— У него не раз была возможность со мной познакомиться, — фыркнула Элла. — Но стоит ему меня увидеть, и он тут

же прячется. Дурила, вот он кто. — И Элла неохотно отправилась застилать постели в комнатах десяти других постояльцев, которые три часа назад разошлись по рабочим местам.

Как только она ушла, Джордж выскользнул из постели и приоткрыл дверь. Вернулся к туалетному столику, нашел свой портсигар и снова улегся на кровать. Он каждое утро оставлял дверь приоткрытой, потому что после Эллы к нему приходил Лео.

Когда Джордж поселился в пансионе, Лео боялся его не меньше, чем всех остальных. Джорджа определили в комнату, где уже какое-то время никто не жил. Кот считал ее чем-то вроде своего убежища. Несколько раз, когда Джорджу случилось поздно вернуться домой, он обнаруживал, что Лео свернулся калачиком у него на кровати. Как только дверь открывалась, кот спрыгивал на пол и выскакивал из комнаты, словно черная шерстяная молния.

Джордж сочувствовал ему. Интуиция подсказывала, что между ними много общего. Лео был весьма крупный кот, но в душе такой же застенчивый, как Джордж. Понимая, почему Лео боится чужаков, Джордж решил расположить его к себе.

На это ушло четыре месяца. Джордж покупал рыбу и оставлял ее под кроватью. Старался входить в комнату, не производя никакого шума, и сидел неподвижно, если кот заглядывал к нему в гости. Через некоторое — довольно долгое — время Лео начал оставаться в комнате, но все равно не подпускал Джорджа к себе. Шаг за шагом, благодаря своему бесконечному терпению, Джордж завоевал его привязанность. Теперь Лео заходил в комнату каждое утро, чтобы поздороваться с Джорджем.

Это была грандиозная победа. Джордж был не просто польщен; он полюбил кота за те часы, когда Лео скрашивал его скуку и одиночество. Лео был единственным его гостем. Общаясь с ним, Фрейзер давал волю своим подавленным эмоциям.

Размышляя о Лео, Джордж почувствовал, что на кровати появился кто-то еще. Открыв глаза, он увидел, что на него смотрит Лео: черный перс с огромными желтыми глазами

и длинными усами. Он топтал грудь Джорджа лапками и осторожно принохивался к его лицу.

— Мне скоро уходить, приятель, — сказал Джордж, нежно поглаживая кота по голове. — Сегодня утром нужно поработать. Ну, побудь со мной минутку.

И он усадил кота рядом с собой. Разговаривал с ним, гладил, чесал за ушком. Совершенно довольный жизнью, признательный коту за компанию, Джордж источал ту всепоглощающую любовь, которой так не хватало ему самому.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Без десяти минут час Джордж Фрейзер вошел в бар-салон «Королевских объятий». Уселся в любимом уголке у дальнего конца длинной барной стойки и прислонился к стене.

В баре было не особеннолюдно. Через пару секунд крупная добродушная барменша по имени Глэдис отделилась от группы мужчин, с которыми сплетничала, и подошла к Джорджу, по пути протирая барную стойку.

— Как сам? — спросила она, сверкнув улыбкой, и поставила перед Джорджем пинту биттера.

Коснувшись шляпы, Джордж улыбнулся ей в ответ. Глэдис ему нравилась. Она регулярно обслуживала его тут вот уже четыре месяца, и у Джорджа было смутное ощущение, что Глэдис им интересуется. В любом случае Джорджу всегда было легко общаться с барменшами: он считал их женщинами спокойными и дружелюбными. Вряд ли такие будут над ним насмехаться или отпускать колкости у него за спиной.

Было приятно зайти в «Королевские объятия» и без разговоров получить пинту пива. Еще приятнее было услышать вопрос Глэдис. Благодаря таким мелочам Джордж чувствовал себя особым клиентом. Он считал «Королевские объятия» чем-то вроде второго дома.

— Прекрасно, — ответил он. — О тебе спрашивать не буду. Ты всегда отлично выглядишь. — Заплатив за пиво, он добавил: — Понять не могу, как у тебя это получается.

— Тяжелая работа идет мне на пользу, — со смехом призналась Глэдис, глянув в зеркало за барной стойкой. Пригладила копну черных волнистых волос и на секунду залюбовалась своим отражением. — Вчера заходил твой мистер Робинсон. Кто его новый дружок — такой молодой бледный парень, а на лице шрам? Раньше я его здесь не видела.

Джордж покачал головой:

— Меня не спрашивай. Робо — он как магнит для всякой шантрапы. Один и пяти минут просидеть не может. — Подмигнув, он продолжил: — Думаю, это потому, что у него совесть нечиста.

— Ну, не знаю, — сказала Глэдис, протирая стойку в пределах досягаемости. — Тот бледный парень... он уж точно не похож на человека с чистой совестью. От него у меня прям мурашки по коже.

— Ну-ка? — Джордж широко раскрыл свои голубые и не очень-то умные глаза. — Как это?

Глэдис шмыгнула носом:

— Скользкий он какой-то. Не хотела бы я встретить его в темной подворотне.

Джордж был слегка заинтригован.

— Да ладно, — улыбнулся он. — Тебе мерещится.

По прилавку нетерпеливо постучали, и Глэдис вспомнила, что отлынивает от работы.

— Я мигом, — сказала она. — Там наш старичок, мистер Генри.

Джордж понимающе кивнул. Ему было не привыкать, что в разговорах с Глэдис то и дело случаются перерывы. Ясно, клиентов нельзя бросать на произвол судьбы, какой бы важной ни была беседа.

Он взглянул на мистера Генри. Тот с нетерпением дожидался своей рюмки виски. Как и Джордж, мистер Генри был завсегдатаем «Королевских объятий» — тощий, краснолицый, невысокий, себе на уме. Джордж не раз задумывался, чем мистер Генри зарабатывает на жизнь. Тем утром он решил, что есть в этом старике какая-то загадка, и, отхлебнув пива, расслабленно прислонился к стене.

Глэдис налила мистеру Генри виски с содовой, перекинулась с ним парой слов и направилась к Джорджу Фрейзеру. Глаза ее горели от возбуждения, а лицо побледнело.

«Что-то не так», — решил Джордж Фрейзер, подтолкнув к барменше пустую кружку.

Наполняя ее, Глэдис произнесла голосом чуть громче шепота:

— Это Дейви Бентилло. Я узнала его даже в гриме.

Оцепенев, Джордж Фрейзер бросил быстрый взгляд на краснотелого коротышку. Дейви Бентилло! Вот это удача! Его ищет вся полиция Англии. Хм, вполне вероятно. Хотя грим великолепный. Он того же роста, как не знающий жалости боевик из банды Скарлетти. Да, и нос тот же, и глаза... Глэдис не ошиблась!

— Отлично, малышка. — Сунув руку в карман, Джордж Фрейзер сжал холодную рукоять пистолета.

— Осторожнее, мистер Фрейзер, — выдохнула Глэдис. Лицо ее осунулось от страха. — Он опасен.

Эдгар Робинсон подергал Джорджа за локоть.

— Очнись, дружище, — произнес он, устраиваясь на табурете. — Сегодня ты прямо как спящая красавица. Хорошо погудел вчера вечером?

Джордж Фрейзер проморгался, вздохнул и сказал:

— Доброе утро.

Сняв очки с толстыми линзами, Робинсон протер их грязным носовым платком. Без очков его глаза были похожи на две зеленые крыжовины.

— Будь другом и спроси, чем меня угостить. — Он оскалил желтые зубы в широкой улыбке. — Представляешь, деньги дома забыл.

— Ну и чем тебя угостить? — Джордж без энтузиазма смотрел на него.

Робинсон надел очки и окинул взглядом бар.

— Я бы не отказался от двойного виски, — после недолгого размышления сообщил он, — но раз уж ты такой жадина, пусть будет пиво.

Джордж подал знак барменше.

— Что стряслось? — спросил Робинсон, внимательно рассматривая Джорджа. — Ты сегодня весь такой молчаливый и серьезный... Трипак, что ли, подхватил?

— Все у меня нормально, — отрезал Джордж. Эдгар Робинсон ему не нравился, хотя продавец он был отменный.

— Так держать! — Робинсон снова улыбнулся. — Мои ребята всегда должны быть на высоте. Сам понимаешь, правильный настрой — залог успеха. Если хоть о чем-то тревожишься, откуда у тебя возьмутся продажи? — Тут к ним подошла Глэдис, и Робинсон осклабился, словно мерин. — Привет, красотка! Ей-богу, хорошеешь с каждым днем. Скажи-ка, Джордж, разве ты не хотел бы поваляться с ней на травке?

Джорджу стало неуютно. Его смущали подобные разговоры, и своей болтовней на людях Робинсон нередко вгонял его в краску.

— Ты бы заткнулся, — проворчал он и добавил, не глядя на Глэдис: — Будь добра, принеси ему биттер.

Робинсон усмехнулся:

— Похоже, Глэд, мы удостоились чести выпивать в обществе девственника. Сам я таковым не являюсь, и, судя по твоему нахальному взгляду, ты тоже врать не собираешься. Так что понятно, о ком я говорю, да?

Хихикнув, Глэдис налила еще одну пинту пива и поставила ее перед Робинсоном. Взглянула на пунцовое лицо Джорджа, подмигнула и сказала:

— Не обращай внимания. Чем больше слов, тем меньше дела.

— Слыхал? Она говорит, что ты трухлявый пенек, — гоготнул Робинсон, ткнув Джорджа под ребро. — Похоже на то. Может, расскажешь нам о своем маленьком изъяне, а-а, старичок? Глэд, ты не уходи. А ну как узнаешь что-то интересное.

— Мне болтать некогда, — ответила Глэдис. — Работать нужно.

И она отошла к другому концу стойки. Пару секунд Робинсон глазел на ее необъятный зад, а потом подмигнул Джорджу:

— Знаешь, она мне и самому нравится. — В его зеленых глазках зажегся огонек. — Как думаешь, к ней можно подкатить?

— Ох, умолкни, — резко сказал Джордж и нахмурился. — Попробуй хотя бы пять минут не думать о женщинах.

Робинсон презрительно усмехнулся.

— Забавный ты парень, Джордж, — заметил он и вынул из кармана мятую пачку «Вудбайна». — На, покури. Беда в том, мальчик мой, что ты не можешь расслабиться. Боишься женщин. Если не возьмешься за ум, этот страх отравит твой организм, и тогда пиши пропало. Что касается меня, я свободен как ветер. Для меня переспать с женщиной — что чашку чая выпить. Предаюсь любви, когда захочется, и от этого моему организму сплошная польза.

Закурив, Джордж откашлялся и вынул большой конверт из потайного кармана, который он собственноручно пришил к подкладке пиджака.

— Итак, посмотрим, что нужно сделать. — Он достал из конверта пачку формуляров и список местных школ. — Сегодня после обеда разнесу формы. Потом зайду в школу на Рэд-лет-роуд, заберу готовые. А вечером похожу по домам.

Взглянув на список адресов, Робинсон удовлетворенно хмыкнул:

— Нормально. Все еще работаешь в Уэмбли? Куда собираешься потом?

— Альпертон, Харлсден и Садбери, — ответил Джордж. — Я уже все разузнал. Там полно муниципальных домов, и к ним давно никто не навещался.

— Чуть не забыл. — Робинсон пустил в потолок тонкую струйку дыма. — У нас новый продавец. Хочу, чтобы ты взял его под свое крыло. Покажешь, как все устроено, а он составит тебе компанию.

— То есть ты хочешь, чтобы я его обучал? — загорелся Джордж. Лицо его оживилось.

— Именно, — кивнул Робинсон. — Он новичок в нашем деле, а ты уже знаешь что да как. Вот я и подумал, что ты сможешь мне помочь.

— Да, конечно, — сказал Джордж. Он был польщен похвалой Робинсона. — Думаю, смогу научить его паре фокусов. А кто он?

— Парень по имени Сидни Брант. Со странностями, но нам сгодится. — Робинсон взглянул на часы над барной стойкой. — Будет здесь с минуты на минуту. Возьми его с собой и покажи, как обращаться с формулярами, ладно? А вечером поводи по адресам. Думаю, тебе не нужно объяснять, что делать. Или нужно?

— Ты не беспокойся, Робо. — Чувствуя себя важной птицей, Джордж выпрямился и подал знак Глэдис. — Лучше выпей еще пива.

Робинсон хитро глянул на него. Он видел, что Джордж обрадовался новому заданию. Робинсона это вполне устраивало. Он уже устал показывать новичкам, как получать заказы. Если Джордж возьмет эту обузу на себя, тем лучше. Сам Робинсон уже давно забросил продажи. Заказами занимались его подручные, а он имел с них свой процент. Теперь, когда Джордж зарекомендовал себя человеком надежным, Робинсон планировал переложить возню с новичками на его плечи. Тогда со временем ему вообще не придется работать.

Глэдис принесла им еще по пинте. Джордж, проголодавшись, заказал себе бутерброд с говядиной.

— Тебе взять? — спросил он у Робинсона.

— Не сейчас. Для меня рановато. Я же только что встал.

Пока Джордж был занят своим бутербродом, посетителей в баре прибавлялось. Наконец в зале стало не протолкнуться.

Теснясь у стойки, Джордж заметил коренастого молодого парня с неопрятной копной соломенных волос. Тот направлялся в их сторону.

На правой щеке у парня был синевато-багровый шрам от ожога. Джордж смотрел на него, не в силах отвести взгляд. Кожа на этом месте была словно сырое мясо, как будто бинты только что сняли. Лицо напряженное, а серо-голубые глаза — колющие и злые. Джордж подумал, что впервые видит человека с таким неприветливым взглядом.

Парень — на вид ему было не больше двадцати двух лет — подошел к Робинсону и встал рядом с ним, не говоря ни слова.

На нем были старые брюки из серой фланели и потертый твидовый пиджак. Темно-синюю рубашку давно не гладили, а красный галстук был похож на обрывок цветной веревки.

— Ага! — сказал Робинсон. — Вот и ты. А я уж начал думать, куда ты запропастился. Знакомься: Джордж Фрейзер, один из лучших моих продавцов. Джордж, это Сидни Брант. Я тебе о нем рассказывал.

Слова Робинсона заставили Джорджа покраснеть от удовольствия. Однако, встретившись взглядом с Сидни, он почувствовал странное беспокойство. То ли его смутило непроницаемое лицо Бранта, то ли его равнодушная поза. Всем своим видом парень показывал, что плевать он хотел на окружающих. И еще этот свежий морщинистый ожог: несмотря на любовь к кровавым сюжетам, Джордж отличался брезгливостью.

— Приятно познакомиться, — сказал он, отвернувшись. — Робо просил показать тебе, как все устроено. Сделаю в лучшем виде.

Брант равнодушно взглянул на него и не произнес ни слова.

— Вот увидишь, старина Джордж знает все наши трюки, — беззаботно сказал Робинсон.

«Почему же этот парень молчит?» — подумал Джордж. Заглянув в свою кружку, он покрутил ее, чтобы пиво вспенилось, и тут же посмотрел на Бранта:

— Робо хочет, чтобы мы работали вместе. Можно приступить сегодня же после обеда.

Брант кивнул, быстро глянул на Робинсона и снова уставился на Джорджа. Похоже, он считал, что ситуация не требует комментариев.

Робинсону стало неловко. Поковыряв в носу, он посмотрел в большое зеркало за стойкой, рассеянно улыбнулся и сказал, словно обращаясь к самому себе:

— Ты ошалеешь, когда старина Джордж покажет себя в деле. Поверь, тебе будет очень полезно с ним походить. — Робинсон похлопал Джорджа по руке. — Наш юный Сид добьется больших успехов, верно?

— Не называйте меня Сид, — тихо, но резко сказал молодой человек. — Меня зовут Брант.

Робинсон улыбнулся до ушей, но взгляд у него был озадаченный.

— Главное — дружелюбие, — сказал он, снова взглянув в зеркало. — Дружелюбие — залог успеха. Ведь так, Джордж? Зови меня Робо, а я буду звать тебя Сид, ладно?

— Меня зовут Брант, — повторил молодой человек, с холодным безразличием глядя сквозь Робинсона.

После неловкой паузы Джордж предложил:

— Ну, тогда хотя бы выпей. Что будешь?

— Я не пью, — ответил Брант, пожав узкими плечами. — Но от лимонада не откажусь.

Теперь он смотрел на Глэдис. Откликнувшись на сигнал Джорджа, барменша направлялась к ним и беспокойно поглядывала на Бранта. Перехватив ее взгляд, Джордж понял, что об этом-то парне она и рассказывала. Что ж, она была права. Теперь Джордж понимал, что Глэдис имела в виду, когда сказала, что от Бранта у нее мурашки по коже. Встревоженно почесав в затылке, он неохотно признал, что чувствует то же самое.

— Лимонад для мистера Бранта, — сказал он, подмигнув барменше.

Глэдис поставила перед Брантом стакан и, не говоря ни слова, ушла к другому концу стойки.

Повисла еще одна неловкая пауза. Затем Робинсон допил пиво, вытер пухлые губы рукавом пиджака и соскользнул с табурета.

— Ну, я пойду, — сказал он. — Нужно кое-что сделать. А ты доверься Джорджу, он у нас специалист. И помните, парни: за каждой дверью вас ждет потенциальный покупатель. Главное в нашем деле — правильный настрой. Без него даже не надеетесь влезть в башку к клиенту. Вам главное что? Чтобы он купил «Детскую энциклопедию». А ему эта книжка не нужна, потому что он о ней ничего не знает. Так убедите его, что «Д. Э.» — наилучшее вложение средств. Сделайте так, чтобы клиент с самого начала соглашался с вашими доводами. Войдите к нему в дом. Даже не пытайтесь продать книгу на пороге. И не упустите момент, когда пора заканчивать треп и переходить к оформлению заказа. — Лучезарно улыбнувшись Джорджу, он продолжил: — Джордж во всем разбирается. Главное, действуйте по схеме, и все у вас получится. Ну, доброй охоты. — Робинсон заметил, с каким презрением смотрит

на него Брант, и его улыбка слегка померкла. Махнув рукой, он протолкался сквозь толпу и вышел на улицу.

Джордж с восхищением смотрел ему вслед.

— Да, этот парень свое дело знает, — произнес он. — Пожалуй, лучший продавец на моей памяти.

Потягивая свой лимонад, Брант поморщился.

— Рискну предположить, что вы повидали не так уж много продавцов, — сказал он, глядя мимо Джорджа, на компанию мужчин в другом углу бара.

— Ты о чем? — взвился Джордж. — В «Уорлд-уайд» никто не знает наших фокусов лучше, чем Робо.

Брант перевел равнодушный взгляд с компании мужчин на покрасневшее лицо Джорджа.

— Ваш Робинсон кормится со стада простофиль. Окучивает дураков, и ему это сходит с рук, — сказал он ровным тоном судьи, выносящего приговор.

Джордж был оскорблен в своих лучших чувствах.

— Но это же бизнес. Он и нас обучил. Само собой, мы платим ему небольшой процент. Мы не сумели бы ничего продать, если бы Робо не объяснил, куда идти и что говорить. Давай-ка полегче, старина.

— Что вы называете небольшим процентом? — На худом бледном лице Бранта появилось насмешливое выражение.

— Он же говорил тебе, разве нет?

— Я знаю, что он мне говорил. Но что он говорил *вам*? — Брант отбросил с лица длинную прядь волос.

Джордж опустил кружку на стойку. Пора осадить этого юнца.

— Робо получает десять процентов с наших продаж. Согласись, это справедливо. Каждый заказ приносит нам один фунт, и мы платим Робо два шиллинга. Не сказал бы, что он на нас наживается. — Он с тревогой взглянул на Бранта. — Он же нас обучил, раздал нам участки. Два шиллинга — не так уж и много. Разве я не прав?

Брант снова отбросил прядь с лица, нетерпеливо и раздраженно.

— С чего вы решили, что компания платит всего лишь фунт за заказ?

СОДЕРЖАНИЕ

Опаснее мужчины	5
Измене доверяют, как лисе	247
Очередь за саваном	461